

Алеся.

Автор: Светлана Григорьева

Первое отчетливое воспоминание, связанное с моей младшей сестрой, идёт не из глубин детства, я толком не помню её маленькой, старалась не замечать. Первое отчётливое воспоминание, когда Алеся украла на даче в огороде у соседей одну-единственную клубнику и откусила вместо того, чтобы съесть целиком и без того маленькую ягоду. Вторую половину ягодки она протянула мне. Я тогда почувствовала неловкость, граничащую с брезгливостью, но именно этот момент стал началом нашей близости. Из-за моего инфантилизма во внешности мы даже обменивались одеждой: она могла пойти в школу в моих шортах с детскими принтами, а я гуляла со своим с парнем в её причудливой розовой панаме. Вечерами мы с Алесей играли в приставку, пекли сырную пиццу и залипали на аниме, как будто отвоёвывали у времени наше детство.

Когда пришло время уезжать учиться (я поступила в университет), Алеся постоянно плакала и приходила обнимать меня перед сном, а маме свои истерики объясняла так: «Часть меня уезжает, вы отрываете мою душу». Сейчас эти слова звучат по-другому, будто девочка в тот момент и правда осталась без души. Тогда я не придавала этому значения, и наша связь начала рваться: я утонула в учёбе и не испытывала потребности возвращаться домой на каникулы — у меня появилось увлечение.

В университетские годы я подседа на путешествия и походы со своей лучшей подругой. Когда я заметила, что с сестрой мы не общались уже больше четырёх месяцев, испугалась, решила наверстать упущенное и позвала её с собой в палаточный поход в Кандалакшу. Сестре до городка было ехать поездом недолго из Мурманска. Первое «взрослое» путешествие — четыре часа ехать в поезде одной. Алеся страшно переволновалась и начала заболеть на нервной почве, иммунитет упал. Как выяснилось позже, уже в поезде она была с высокой температурой. Моей ошибкой было то, что я не заметила признаков болезни: с детства она часто краснела и нервничала, поэтому её состояние казалось мне привычным, а не тревожным симптомом и признаком ОРВИ.

Поход был суточный, и мы не снимали жилья в северном городе, с корабля на бал: сразу отправились к точке, где устроили первый привал. Алеся много молчала. Я не давила, думала, что она просто стесняется моей компании, и ждала, когда ей самой захочется раскрыться. Мне казалось, что она замкнулась из-за глупых вопросов моих друзей: нравится ли ей кто-то, не обижают ли в школе — всё то, что принято спрашивать у 12-летних девочек. Через шесть часов пути мы были на месте, но не успели насладиться видом сопок... я закричала: сестра лежала без сознания. Её лицо горело, под носом были корки, такие бывают, когда человек постоянно сморкается, а в руке она

сжимала аэрозоль от боли в горле. Я запомнила все эти мелочи, а вот всё остальное будто в тумане. Только эта яркая вспышка. Она быстро очнулась, а я понесла её на спине вниз, туда, где нас должна была забрать машина. Помню, как она плакала, извинялась, просила не увозить её, убеждала и обманывала, что не болеет. Я молчала, была зла, на грани отчаяния, испугана, внутри всё сжималось, мне казалось, что Алеся может умереть. Я то плакала, то злилась, сглатывала слёзы и ненавидела себя за то, что не распознала её состояние.

Эта ситуация травмировала меня, и я окончательно отдалилась от сестры. Мне не хотелось больше заботиться о ней даже несколько дней — страх и ответственность стали меня пугать. Я боялась снова пережить подобное. Родители тоже перестали доверять и больше не отпускали Алеся со мной. Мама после того случая не разговаривала со мной полгода. Если бы не папа, который всегда был ко мне теплее остальных, я бы просто себя «сгрызла». Отец поддержал меня, объяснил, что причина произошедшего не моё наплевательское отношение на сестру, а стечение дурных обстоятельств. Когда я вспоминаю эту историю, кажется, будто всё это случилось не со мной, а кто-то рассказал мне об этом. Внутри — пустота. Пыталась забыть эту боль.

После окончания учёбы я вернулась в отчий дом. Всё изменилось: мама с папой сблизилась, стали чаще бывать на даче, встречаться с друзьями, путешествовать. Появилось ощущение, что они, наконец, начинают жить своей жизнью, я ведь в какой-то степени «украла» их молодость. Хотя и была долгожданным ребёнком, но очень «ранним»: им было всего по 19 лет. Алеся была счастлива видеть меня, полностью раскрылась, рассказывала всё подряд, что надо и не надо. Я никогда не лезла с вопросами, но поток информации из неё лился, как бурная река. Оказалось, что моя 15-летняя сестра курит какие-то дуделки (электронные сигареты), пьёт пиво втихаря от родителей и дружит с малолетними наркоманами.

Чтобы держать руку на пульсе, я не осуждала её. Но и ненавязчивые наставления она игнорировала, а позже стала более сдержанна в рассказах. Когда я попыталась забить тревогу, родители, живущие свою лучшую жизнь, отнеслись ко мне резко: «Вспомни себя», «С такими оценками пусть хоть водку пьёт». Мне не поверили, но и сестре не сказали, что я её «сдала». Они уже устали беспокоиться, научились «закрывать глаза», чего не умели делать со мной.

После того самого похода я перестала чувствовать к сестре что-то осознанное. Просто закрылась, чтобы не переживать снова боль за близкого человека. Между прочим, после злосчастного похода у меня и отношений не было, очень боялась привязываться. Но тревога росла, и я на этой почве снова стала проникаться Алисой. В пятницу младшая сестренка рассказывала, как её друг-наркоман украл её вейп, в субботу, как целовалась с двумя старшекласниками, в воскресенье — как выпила больше всех на тусовке.

Начался апрель. Я понимала: впереди лето, у неё будет куча свободного времени, а родители всё чаще станут уезжать на дачу. Что Алиса будет вытворять, я не знала, и именно эта неизвестность меня пугала. Чтобы изменить что-то, я решила начать с себя. Как в ситуации в самолёте, сначала кислородную маску надевает взрослый, заботясь о себе, а потом – ребёнку. Пошла к психологу, но Кристина Александровна, видимо, была из «лагеря» моих родителей. Её вопрос был прямой: «А разве ты сама не пила втихаря от родителей?». «Да, но...» — начала я, но она оборвала: «Ты не мать ей. Это не твоя зона ответственности...». В общем, долго и нудно объясняла мне про момент сепарации от родителей.

Проблема с сестрой так и не была решена, но психолог оказалась вовсе не бесполезной, я смогла снова построить отношения. Простите, что делюсь радостью, но моей парой вновь стал тот самый, с которым я когда-то гуляла в розовой панаме сестры. Игорь настаивал, чтобы я переехала к нему, потому я жила на два дома, и это всех утомляло. Но мне казалось: если я уеду сейчас, в начале июня, сестра точно пустится «во все тяжкие».

Так и случилось. Алеся была поймана родителями с бутылками пива в рюкзаке недалеко от дома (куда-то очень спешила, так, что звон бутылок не заметила). Она утверждала, что «несла другу/подруге/не знала, что там, рюкзак подменили», но запах и поведение выдавали пьяного подростка, Алеся явно шла продолжать «банкет». Когда семья вошла в квартиру, я была на кухне и сразу почувствовала — что-то не так. Отец начал верещать так, что даже мама растерялась. Я не вмешивалась, не пыталась защитить, не искала оправданий. Это был её бой. Не мой.

После того случая наступила тишина, Алеся словно ушла в подполье: с родителями стала говорить меньше, со мной вовсе перестала делиться. Обиделась, что я не заступилась за неё перед отцом. В июле я окончательно съехала. Занималась рутиной и просто наслаждалась тем, что нашла своего человека. Каждый день в моём новом мире была тишь да гладь. До ключевого события. В одиннадцать вечера мне позвонила Алиса, попросила спуститься. Она стояла около подъезда с ссадиной под глазом и расцарапанным лицом. Я молча села с ней на скамейку. Тишину первой нарушила сестра:

— Я чувствую, будто лечу вниз, и никто не ловит.

Мы толком так и не поговорили в тот вечер, но она чего-то испугалась и перестала уходить из дома допоздна. Сказала, что бросила курить — странно слышать такое от 15-летней, но я обрадовалась. Остаток лета я посвятила важной задаче «словить» свою сестру.

Мы ходили в кино, мы буквально бежали на гастрономические мастер-классы. Алеся стала ходить со мной на фитнес и загорелась этим. Мы вместе рисовали, пока однажды она не призналась, что ей это не нравится. Мы даже трижды ночевали в палатках тем летом. Почти каждые выходные ездили купаться. Пишу это, слёзы подступают. Сколько боли мной было пережито за предыдущие месяцы, а потом только «мы, мы, мы».

Сейчас ей 18. Она занимается бодибилдингом и выступает в категории «фитнес-бикини», не пьёт, следит за питанием, ведёт блог, в котором помогает молодым девочкам выстроить здоровые отношения с едой.

Однажды я спросила её:

— Что тогда изменилось? Почему ты пришла ко мне тем вечером?

И она как-то особенно мудро ответила:

— Я знала, что если кто и не отвернётся, то это только ты. Даже если молчишь. Даже если злишься на меня. Ты всегда где-то рядом стояла. А мне это было нужно. Всегда.

Я заплакала, Алеся по-доброму засмеялась. Мы были вместе. Наконец-то не в роли спасительницы и утопающей, а как две взрослые, любящие друг друга сестры. Это была её борьба — и она справилась.

А я просто оказалась рядом, когда нужно было подсказать дорогу.